

Смеркалось. Разомлев после долгой прогулки, они пустились в обратный путь. Дорожных указателей поблизости не водилось, так что направление держали по памяти — благо ориентировались они неплохо.

Дорога была недолгой, но приятной. Они лениво разглядывали янтарный свет уличных фонарей, пёструю чехарду неоновых вывесок и огромные экраны, на которых крутились бесконечные рекламные ролики. На обратном пути привычные улочки открывались с совершенно иной стороны.

Лишь очутившись у порога, они вдруг с лёгким изумлением осознали, как быстро пролетел этот день. Казалось, ещё совсем недавно утреннее солнце заливало распахнутые настежь двери, а теперь перед ними высилась запертая, погружённая в сумерки створка.

Дверь со скрипом отворилась.

— Вернулись наконец, — на пороге показался Кавех. Из-за его спины лился яркий домашний свет, силуэт мужчины казался размытым и тёплым.

— Да, мы дома, — отозвалась Акико.

Пожалуй, тревогам тут было не место. Теперь у них появились те, на кого можно опереться, и настоящий, уютный дом. Акико невольно улыбнулась. Она вдруг поняла: сколько бы забот ни лежало на душе, рядом с этими людьми всё отходило на второй план. Ей нужно было взрослеть, но спешить с этим больше не требовалось.

«Сколько ещё продлится это счастье?»

Она разулась в прихожей и скользнула ногами в пушистые тапочки-зайцы. У каждого в этом доме была своя пара с забавными звериными мордочками — Кавех когда-то загорелся идеей собрать для них целый домашний зоопарк.

Сзади зашуршал Одасаку. Едва переступив порог, он наспех, чуть ли не подпрыгивая от нетерпения, буркнул приветствие и вихрем умчался в сторону кабинета, оставив домашних в полном недоумении.

— Муза посетила, — неторопливо пояснила Акико, проходя вслед за ним в гостиную.

Здесь, как обычно, царил упорядоченный хаос: дети, горы сладостей и разбросанные игрушки. Улыбка так и не сходила с её лица, выдавая переполнявшую девочку тихую радость.

— Муза? — Сатору Годзё и Сюдзи Цусима мгновенно отвлеклись и одновременно выпустили из рук пачку со снеками, за которую только что отчаянно дрались.

Даже Чуя Накахара, прилежно корпевший над домашним заданием, оторвал взгляд от тетради и с любопытством уставился на Акико.

— Кажется, это будет история о чудовище, запертом за дверью, — припомнила она, забавно склонив голову набок, чтобы утолить их любопытство.

Одасаку одолел собственный «кошмар за дверью» и потому смог отыскать вдохновение. Сама Акико тоже справилась со своими страхами. Теперь у неё была цель, ради которой стоило двигаться дальше, и понимание, что рядом есть близкие, готовые пройти этот путь вместе с ней.

«Мне тоже нужно постараться».

Постараться стать взрослее, победить внутренние кошмары и научиться защищать этот дом, когда Кавех и Аль-Хайтам его покинут.

Она давно предчувствовала их неизбежный уход. Читала его в мимолётной грусти и тревоге, порой сквозивших во взгляде Кавеха, замечала в неторопливых, но методичных приготовлениях, которые Аль-Хайтам делал для их будущего.

Глядя на копошащуюся на ковре троицу, Акико смутно ощутила, как на её плечи ложится незримое бремя ответственности. Ответственности за их защиту.

«Но об этом вслух говорить не стоит».

Она подошла к мягкому ковру и с размаху уселась на него, собираясь во всех красках расписать их сегодняшнее с Одасаку «приключение». У неё тоже имелось особое чутьё на чужие эмоции, просто в силу скрытного характера она редко выставляла его напоказ.

— Ладно, раз уж у меня сегодня хорошее настроение, так и быть, поделюсь с вами, — Акико заговорщически хлопала ладонью по ковру, призывая мелюзгу сесть поближе. — Слушайте.

Когда Одасаку ворвался в кабинет, его распирало от мыслей и образов. Но стоило ему занести перо над чистым листом, как невидимая струна вдохновения с противным щелчком лопнула. Слова растерялись, фразы казались блёклыми и нескладными. Этот внезапный творческий тупик парализовал его.

«...»

«Какая разница. Буду писать как пишется».

Одасаку умел подмечать и запоминать детали, ценил чужие советы. Теперь перед ним стояла чёткая цель — создать законченную, цельную историю.

Он принялся бережно воскрешать в памяти те чувства: чистый восторг от полыхающего заката, искреннее сопереживание подруге, доверившей ему сокровенные тайны, и зудящую, нестерпимую потребность поскорее перенести всё это на бумагу. Всего было слишком много. Лавина мыслей и невысказанных слов грозила превратиться в хаотичный мысленный сор, перекрывающий тонкий ручеек вдохновения. Рука замерла в воздухе, словно скованная невидимыми путами.

Одасаку чувствовал себя пленником собственного разума. Но именно поэтому он жаждал вырваться на свободу, разметать эти незримые преграды.

На бумагу упал первый выведенный символ. За ним, тесня друг друга, торопливо потянулись остальные. Пробелы, знаки препинания, абзацы — строчка за строчкой складывались в связное, дышащее повествование.

Одасаку отложил перо, разминая затёкшие пальцы. Это новое, неизведанное доселе чувство он бережно отложил в потаённый уголок памяти. Даже в прежние времена, когда ему приходилось сходить с врагами не на жизнь, а на смерть, он не испытывал ничего подобного. То было триумфом выживания, здесь же рождалось глубокое душевное удовлетворение.

Наверное, всё дело в том, что теперь его труды диктовались страстью, а не жестокой необходимостью остаться в живых.

Взглянув на настенные часы, он удивлённо моргнул. Стрелки давно перевалили за полночь. Для него это было неслыханной дерзостью — обычно он засыпал не позже девяти вечера. Ни Кавех, ни Аль-Хайтам так и не зашли напомнить ему о режиме. Впрочем, быть может, они и стучались, просто он был слишком поглощён процессом.

Аккуратно собрав исписанные листы, Одасаку бесшумно приоткрыл дверь кабинета. В коридоре мягко светил ночник — его заботливо оставили включённым именно для него.

Он тихо пошёл по коридору и поравнялся с приоткрытой дверью спальни Кавеха.

— Закончил? — сладко зевнув, Кавех вышел в коридор и застал Одасаку в нерешительности.

Кавех уже заглядывал к нему часом ранее, но, увидев, с каким неистовым упорством мальчик скрипит пером, бесшумно притворил дверь. Для архитектора и писателя вдохновение — святыня. Нарушать этот таинственный миг Кавех не посмел.

— Да, закончил, — шёпотом ответил Одасаку. Все остальные давно спали в своих комнатах, подчиняясь строгому домашнему распорядку, и будить их мальчику совсем не хотелось.

— Тогда доброй ночи. Ложись поскорее, — Кавех мягко улыбнулся и взглядом проводил Одасаку, который на цыпочках прокрался дальше и замер перед комнатой Аль-Хайтама.

Дверь в эту комнату тоже не была заперта до конца — достаточно лёгкого толчка. Одасаку прекрасно понимал, что её оставили приоткрытой специально для него, но всё равно робел переступить порог.

— Входи, — донёсся изнутри негромкий голос Аль-Хайтама.

Лишь после этого мальчик осторожно толкнул створку и переступил порог.

— Господин Аль-Хайтам, не могли бы вы взглянуть? Мне кажется, вышло неплохо, но я не знаю, как исправить шероховатости.

Одасаку с искренней надеждой протянул рукопись своему наставнику, который, вопреки своей безупречной привычке ложиться вовремя, до сих пор ждал его. Только когда листы перекочевали в чужие руки, мальчик заметил, что его ладони слегка взмокли от волнения.

Раньше Одасаку с трудом верил, что Кавех, столь похожий на эксцентричного художника, до тонкостей разбирается в точных науках, а строгий, прагматичный Аль-Хайтам на самом деле является выдающимся лингвистом. Впрочем, когда Аль-Хайтам лично взялся обучать его грамоте, синтаксису и иностранным языкам, времени на пустые размышления у мальчика просто не осталось.

Если подумать, Аль-Хайтам стал для него не просто строгим учителем словесности, но и настоящим проводником в мир литературы. Неудивительно, что закончив свой первый труд, Одасаку в порыве чувств поспешил именно к нему.

— Разве ты не обещал показать первый набросок Акико? — Аль-Хайтам насмешливо приподнял бровь, принимая исписанные листы. Он явно припомнил обрывки разговоров, что доносились с улицы во время их вечернего возвращения.

— Акико прочитает самую первую чистовую версию, — с самым невозмутимым видом парировал Одасаку. В его тоне проскользнули лукавые нотки — явно набрался от кого-то из неугомонных домашних.

Возможно, начитавшись книг о чужих судьбах, интригах и расставаниях, он стал гораздо тоньше чувствовать малейшие оттенки эмоций. И сейчас он безошибочно уловил, что Аль-Хайтам настроен благодушно.

Мальчик незаметно перевёл дух.

— Завтра в девять утра, — озвучил вердикт наставник.

— Хорошо.

Дверь тихо закрылась за ушедшим учеником.

Аль-Хайтам с неподдельным интересом принялся перелистывать рукопись Одасаку. Слог был по-детски незрелым, но в каждой строчке сквозила безудержная, рвущаяся вперёд отвага. Сквозь неровные фразы проступали искреннее удивление перед огромным миром, робкие надежды и восхищение его красотой. Подобное пишется лишь на пике душевного подъёма — то, что у писателей принято называть искрой божьей.

— Столько времени учиться, а грамматических ошибок по-прежнему пруд пруди, — пробормотал Аль-Хайтам. Но за его ворчанием не крылось и капли истинного недовольства.

На самом деле ему нравились такие ученики — упорные, не обделённые талантом и готовые трудиться не покладая рук. Стоило лишь повесить перед их носом призрачную приманку в виде прекрасной мечты, как они, подобно упрямым ослам, послушно брели вперёд, даже не думая сворачивать с выбранного пути. И откуда только в этих детях бралось столько неиссякаемой силы? Неужели им ни капли не страшно сгинуть от голода где-нибудь на полпути к своей цели?

Впрочем, их негибкая воля не могла не вызывать уважения.

Аль-Хайтам взял перо и принялся оставлять на полях лаконичные, но точные замечания, тишину комнаты нарушало лишь размеренное шуршание. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что ведёт себя как чрезмерно заботливый школьный учитель, готовый разжевать и буквально вложить знания в головы своих подопечных. Когда он успел стать таким?

— Надо же... — невысказанная мысль растворилась в полумраке комнаты, оставив после себя лишь тихий вздох.

Аль-Хайтам стал мягче. Он отчётливо сознавал это, но ничего не мог поделать. Видя, как эти дети отчаянно борются с невзгодами, стремясь вырваться из кокона прежних страданий, он невольно проникался к ним глубоким уважением и отдавал все силы их обучению. А вкладывая душу в наставничество, видя их сильные стороны, слабости и сомнения, он незаметно для себя снижал планку строгости.

Хитрые дети, изворотливая Система и, разумеется, несносный Кавех.

Он и сам не понимал, почему раз за разом переступает через собственные жёсткие правила и потакает их капризам.

«Ладно, пора спать».

Поля рукописи уже пестрели его аккуратными пометками. Аль-Хайтам потёр уставшие,

покрасневшие глаза, устроился на постели, натянул одеяло и нажал на кнопку выключателя у изголовья.

Стоило его комнате погрузиться во тьму, как погасли огни в спальнях Кавеха и Одасаку.

Сегодня, завтра, послезавтра...

Сколько времени уйдёт у Одасаку на то, чтобы довести свой первый рассказ до совершенства?

Что ж, это зависит лишь от того, когда он сам сочтёт свою историю законченной.

<http://bllate.org/book/18256/1755683>